

DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(6)-11

Показатели множественного числа существительных в селькупских диалектах

С.В. Ковылин, ORCID: 0000-0003-0108-9214 <kovylin.ser@yandex.ru>

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Россия, 109004, г. Москва, ул. А. Солженицына, д. 25.
Томский государственный педагогический университет
Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, д. 60.

Аннотация. В статье рассматриваются показатели множественного числа существительных в южных, переходном, центральных и северных диалектах селькупского языка. Материалом послужили корпусные данные объемом более 85,000 словоформ, расположенные на платформе Lingvodoc и в личных архивах (файлы Fieldworks Language Explorer), а также общие грамматические и лексические труды по языку. Множественное число существительных может быть выражено суффиксами *-t(V)*, *-la*, *-i* (*-ni*), контаминированным показателем *-lat*, суффиксами множественного числа в совокупности с показателями взаимной связи *-sa-* и собирательного множества *-mi-* – *-sat*, *-sala*, *-mit*, *-mitla*, а также суффиксом собирательного множества *-mi* без дополнительных маркеров множественности. В результате исследования было выяснено, что основным маркером множественного числа в южной и переходной языковых зонах является *-la*, в центральных васюганском и тымском, а также северных диалектах – *-t(V)*. В центральном нарымском диалекте встречаются оба показателя *-t(V)* и *-la* в том числе в контаминированной форме *-lat*, где для северной части более характерен суффикс *-t(V)*, а для южной *-la*. В северных и центральных диалектах в посессивных формах используется показатель множественного числа *-i* (*-ni*), в то время как в южных и переходном диалектах он был вытеснен показателем *-la* в тех же позициях. В южных, переходном, центральных и северных диалектах с терминами родства используется суффикс взаимной связи *-sa-* вместе с *-t(V)* – *-sat*; реже в южных, центральных и северных диалектах суффикс собирательного множества *-mi-* вместе с *-t(V)* – *-mit*. В северных диалектах для выражения собирательного множества без дополнительных числовых показателей применяется показатель *-mi*.

Ключевые слова: селькупский язык; множественное число; корпусные данные; существительное.

Для цитирования: Ковылин С.В. Показатели множественного числа существительных в селькупских диалектах. Труды ИСП РАН, том 37, вып. 6, часть 1, 2025 г., стр. 181–192. DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(6)-11.

Благодарности: Исследование автора было поддержано грантом РНФ 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ».

Plural Number Markers of Nouns in Selkup Dialects

S. V. Kovylin, ORCID: 0000-0003-0108-9214 <kovylin.ser@yandex.ru>

*Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
25, Alexander Solzhenitsyn st., Moscow, 109004, Russia;
Tomsk State Pedagogical University,
60, Kievskaya st. Tomsk, 634061, Russia.*

Abstract. The paper is devoted to the study of plural forms of nouns in the southern, transitional, central and northern dialects of Selkup. The material comprises corpus data of more than 85,000 tokens located on the Lingvodoc platform and in personal archives (Fieldworks Language Explorer files), as well as general grammatical and lexical papers on the language. The plural of nouns can be expressed by the suffixes *-t(V)*, *-la*, *-i (-ni)*, by the contaminated marker *-lat*, plural suffixes in combination with the markers of mutual connection *-sa-* and the collective plurality *-mi-* – *-sat*, *-sala*, *-mit*, *mitla*, as well as by the suffix of mutual connection *-mi-* without additional markers of plurality. As a result of the research, it was found out that the main plural suffix in the southern and transitional language zones is *-la*, in the central Vasyugan and Tym, as well as in the northern dialects – *-t(V)*. In the central Narym dialect, both markers *-t(V)* and *-la* are found, including the contaminated form *-lat*, where the suffix *-t(V)* is more characteristic for the northern part, and *-la* for the southern part. In northern and central dialects, the plural marker *-i (-ni)* is used in possessive forms, while in southern and transitional dialects it was replaced by the marker *-la* in the same positions. In southern, transitional, central and northern dialects, with kinship terms, the suffix *-sa-* together with *-t(V)* – *sat* is used; more rarely, in southern, central, and northern dialects the collective suffix is *-mi-* together with *-t(V)* – *mit* is observed. In northern dialects, the marker *-mi-* is used to express collective plurality without additional suffixes of numbers.

Keywords: Selkup language; plural number; corpus data; noun.

For citation: Kovylin S.V. Plural number markers of nouns in Selkup dialects. *Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS*, vol. 37, issue 6, part 1, 2025, pp. 181-192 (in Russian). DOI: 10.15514/ISPRAS-2019-37(6)-11.

Acknowledgements. This paper was supported by the grant RNF № 25-78-20002 “Capabilities of Artificial Intelligence for Comparative-Historical Study of Low-Resource Languages of the Peoples of the Russian Federation”.

1. Введение

Тема множественного числа существительных в селькупском языке многократно обсуждалась в различных публикациях, например см. [1; 2: 169–170; 3: 101–110; 4; 5: 54–64; 6: 393–398]. Несмотря на это изучение показателей множественности проводилось не во всех диалектах, либо обсуждение ограничивалось отдельными суффиксами; не всегда учитывались селькупские данные за XIX в. В данной работе производится попытка анализа селькупского материала на большом объеме данных с учетом результатов предыдущих научных изысканий, что обуславливает ее актуальность.

Целью исследования является анализ встречаемости показателей множественного числа существительных в южных, переходном, центральных и северных диалектах селькупского языка.

Материалом исследования являются корпусные данные, расположенные на платформе Lingvodoc¹ [7] либо в личных архивах (файлы программы Fieldworks Language Explorer), состоящие из глоссированных текстов архива лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (далее ЛЯНС), текстов и словарей М. А. Кастрена [8], Н. П. Григоровского [9–12], св. Макария (Невского) [13-14] и Л. Сабо [15]. Общий объем корпусных данных составляет более 85,000 словоформ. Также при анализе

¹ Результаты получены с использованием услуг Центра коллективного пользования Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН – ЦКП ИСП РАН

использовался «Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие)» [16], «Селькупско-русский диалектный словарь» [17] и данные приведенных ранее грамматик и статей [1; 2: 169–170; 3: 101–110; 4; 5: 54–64; 6: 393–398].

В работе применяется классификация диалектов С. В. Глушкова, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой [18], с разделением территории на

- северную группу – включает диалекты:
 - 1) тазовский;
 - 2) ларьякский (верхнетолькинский);
 - 3) карасинский;
 - 4) туруханский;
 - 5) баихинский;
 - 6) елогуйский;
- центральную группу:
 - 7) ваховский;
 - 8) тымский;
 - 9) васюганский;
 - 10) нарымский;
- южную группу:
 - 11) среднеобской;
 - 12) чаинский;
 - 13) кетский;
 - 14) верхнеобской;
 - 15) чулымский.

Также нами дополнительно выделяется переходная зона в виде иванкинского диалекта.

2. Общие положения

Основными суффиксами множественного числа существительных в селькупских диалектах являются *-t(V)* ‘PL’, *-la* ‘PL’, *-lat* (*-la-t* ‘PL-PL’) и *-i* (*-ni*) ‘PL’. Суффикс PL *-t(V)* ‘PL’ – уральского происхождения (ПУ **-t*) [19: 297] и относится к базовым в северных и части центральных диалектов. Маркер *-la* ‘PL’ является основным суффиксом в южных и части центральных диалектов. Существует как минимум две точки зрения на происхождение данного показателя: 1) заимствование из тюркских языков (со ссылкой на М. А. Кастрена [20: 109] и К. Доннера [21: 99]); 2) уральский собирательный суффикс *-IV* (со ссылкой на Т. Лехтисало [22: 161–162], А. Йоки [23: 33], А. Кюннапа [23: 42] цит. по [3: 109]). Контаминированный суффикс *-lat* (*-la-t* ‘PL-PL’) получил свое распространение на средней Оби – по большей части в нарымском диалекте, на границе распространения суффиксов *-t(V)* ‘PL’ и *-la* ‘PL’. Суффикс *-i* или *-ni* ‘PL’ используется в северных и центральных диалектах в possessивных формах и присоединяется напрямую к основе [2: 169–170; 3: 106]. Показатель *-i* ‘PL’ также встречается в других уральских языках в схожей функции [19: 298–299]. Суффиксы множественного числа *-t(V)* ‘PL’ или *-la* ‘PL’, а также их контаминированные формы, присоединяются к показателям взаимной связи *-sa-* ‘RECIP’ или собирательного множества *-mi-* ‘COLL’ для обозначения совокупности однородных предметов. Отдельно упомянем суффикс собирательного множества *-mi* ‘COLL’ в северных диалектах, который, появляясь без дополнительных маркеров множественного числа, используется для обозначения существительных, представляющих нерасчлененное множество, что противопоставляется суффиксу расчлененного множества *-t(V)* ‘PL’ [2: 170].

3. Способы маркирования существительных суффиксами множественного числа

В табл. 1 показаны суффиксы множественного числа существительных в селькупских материалах за XIX–XXI в. За основу была взята таблица Э. Г. Беккер [5: 64].

Табл. 1. Суффиксы множественного числа существительных в селькупских диалектах.
Table 1. Plural number suffixes of nouns in Selkup dialects.

Юж.						
	- <i>t(V)</i> ‘PL’	- <i>la</i> ‘PL’	- <i>lat</i> ‘PL’ (как неосновной вариант)	- <i>i</i> (- <i>ni</i>) ‘PL’ (в посс. формах)	- <i>sat</i> / - <i>mit</i> (сов. однородн. предм.)	н.п.
XIX в.						
Григ. (н.-чаин.)	-	+	-	-	-	-
Кастрен (чаин.)						
Кастрен (чул.)						
Кастрен (в.-кет.)						
Кастрен (н.-кет.)						
XX в.						
ЛЯНС (Сон. ср.-об.), Беккер и др. [5] (В.-об. сюс.)	-	+	Примеров не обнаружено	-	Примеров не обнаружено	
ЛЯНС (в.-кет.), Беккер и др. 5] (В.-кет. сюс., туй.)	-	+	Примеров не обнаружено ²	-	- <i>mitla</i>	
ЛЯНС (н.-/ср.-кет.), Беккер и др. [5] (Ср.-кет. сюс.)	ед. случаи в Карелино по Беккер и др. [5: 64])	+	Примеров не обнаружено	-	- <i>zat</i>	
Пер.						
	- <i>t(V)</i> ‘PL’	- <i>la</i> ‘PL’	- <i>lat</i> ‘PL’ (как неосновной вариант)	- <i>i</i> (- <i>ni</i>) ‘PL’ (в посс. формах)	- <i>sat</i> / - <i>mit</i> (сов. однородн. предм.)	
Кастрен (Тог. ив.)	-	+	Примеров не обнаружено	-	-	
Макарий (ив.)	-	+		-	-	
XX в.						
ЛЯНС, Беккер и др. [5] (Ив. ив.), Быконя и др. [17] (шеш.)	один пример на - <i>t</i> по Беккер и др. [5: 64]	+	Примеров не обнаружено	-	- <i>sat</i> по Быконя и др. [17: 319]	

² Э. Г. Беккер отмечает, что контаминированные суффиксы встречаются у кетских сюсюкумов и редко в языке обских шешкупов, однако большое количество проанализированного материала из архивов ЛЯНС, отсутствие однозначных примеров в описаниях, несвойственность суффикса PL -t кетским сюсюкумам (кетский диалект) и обским шешкупам / шешкумам (Иванкино) говорят об обратном. Все встретившиеся нам примеры с комбинацией -lat можно объяснить, как сочетание суффиксов -la ‘PL’ и -t ‘POSS.3SG’, где последний выступает в possessивной и дискурсивно-прагматической функциях.

Центр.						
	<i>-t(V)</i> 'PL'	<i>-la</i> 'PL'	<i>-lat</i> 'PL' (как неосновной вариант)	<i>-i (-ni)</i> 'PL' (в посс. формах)	<i>-sat / -mit</i> (сов. однородн. предм.)	
XIX в.						
Кастрен (нар.)	<i>-t, -n</i>	?	Примеров не обнаружено	+	-	Нарым
	?	+				?Парабель
Макарий (Нар. нар.)	+	-	Примеров не обнаружено	-	-	Нарым
XX в.						
ЛЯНС (нар.), Беккер и др. [5] (Ср.-об. чум.), Быконя и др. [17] (нар.)	+	-	у ряда информантов встречается, как дополнительный вариант; у других не встречается	+	<i>-sat, -mit</i> ; <i>-sala</i> по Быконя и др. [17: 319]	Тюхтерево
	-	+				Ласкино
	аусл.: <i>-t(V)</i> (фон. обусл. <i>-t, -n</i>) (реже)	+				Парабель, Нельмач, Соиспаево
	-	+				Мумышево, Сунгурово
	аусл.: <i>-t(V)</i> (фон. обусл. <i>-t, -n</i>) (основной)	-	<i>-lat</i> (основной)			Кенга
ЛЯНС (вас.), Беккер и др. [5] (Вас. чум.)	аусл.: <i>-t(V)</i> (фон. обусл. <i>-t, -n</i>)	-	Примеров не обнаружено	+	Примеров не обнаружено	
Сабо (тым.)	-	+	-	-	-	Напас
ЛЯНС (тым.), Беккер и др. [5] (Тым. чум.)	аусл.: <i>-t(V)</i> (фон. обусл. <i>-t, -n</i>)	-	Примеров не обнаружено	+	Примеров не обнаружено	
Сев.						
	<i>-t(V)</i> 'PL'	<i>-la</i> 'PL'	<i>-lat</i> 'PL' (как неосновной вариант)	<i>-i (-ni)</i> 'PL' (в посс. формах)	<i>-sat / -mit</i> (сов. однородн. предм.)	
XIX в.						
Кастрен (таз.)	<i>-t, -n 'a</i>	-	-	+	<i>-my</i> (соб. форма; со всеми сущ.)	
Кастрен (ел.)	+	-	-	-	-	
Кастрен (баи.)	<i>-t, -n</i>	-	-	+	-	
Кастрен (кар.)	+	-	-	+	<i>-mэ / -met</i> (соб. форма; со всеми сущ.)	
XX в.						
ЛЯНС (Кел. ел., баи., Фар. тур.); К&Б [16] (ср.-таз., в.-таз., в.-толь., Кел. ел., баи.), Казакевич [6] (1998, 1999, 2003) (тур.)	аусл.: <i>-t, -n</i> (фон. обусл. <i>-t, -n</i>)	-	-	+	<i>-mit / -min, -sit, -mi</i> (соб. форма; со всеми сущ.)	

Материалы, представленные в обсуждении, были конвертированы в единую латиницу: *i*, *э* (у Кастр. *ы*, *э*).

Множественное число существительных в селькупских диалектах согласно таблице может быть выражено при помощи суффиксов: 1) *-t(V)* 'PL', 2) *-la* 'PL', 3) *-lat* (*-la-t* 'PL-PL'), 4) *-i (-ni)* 'PL', 5) *-sat* (*-sa-t* 'RECIP-PL'), 6) *-sala* (*-sa-la* 'RECIP-PL'), 7) *-mit* (*-mi-t* 'COLL-PL'),

8) *-mitla* (*-mi-t-la* ‘COLL-PL-PL’), 9) *-mi* ‘COLL’ (без дополнительных маркеров множественности).

Во всех материалах по южным диалектам XIX–XX вв. основным суффиксом множественного числа является *-la* ‘PL’. У Э. Г. Беккер указано, что в единичных случаях показатель *-t(V)* ‘PL’ встречается в Карелино, однако без примеров, подтверждающих это [5: 64]. С терминами родства в верхнекетских источниках ЛЯНС за XX в. используется *-mitla* (*-mi-t-la* ‘COLL-PL-PL’) ‘COLL.PL’; в ниже- и среднекетских источниках ЛЯНС – *-zat* ‘RECIP.PL’. Таким образом, суффикс *-t(V)* ‘PL’ сохраняется только в комбинированных позициях. По всей видимости, суффикс *-i* (*-ni*) ‘PL’, появляющийся в посессивном склонении в центральных и северных диалектах, был полностью вытеснен в южных диалектах показателем *-la* ‘PL’.

Юж. XIX в.

Григ. (н.-чаин.): *чабтэ-ла* ‘сказка-PL’, *гу-ла* ‘человек-PL’, *лы-лы-у* ‘кость-PL-POSS.1SG’;

Кастрен (чаин.): *lóga-la* ‘лиса-PL’, *koča-la* ‘мешок-PL’, *lóga-lá-u* ‘лиса-PL-POSS.1SG’;

Кастрен (чул.): *ýpu-lä* ‘ремешок-PL’, *toto-la* ‘карась-PL’, *lóga-lá-u* ‘лиса-PL-POSS.1SG’;

Кастрен (н.-кет.): *päla-la* ‘товарищ-PL’, *súugo-la* ‘мыс-PL’, *loḵḵa-la-u* ‘лиса-PL-POSS.1SG’;

Кастрен (в.-кет.): *py-lla* ‘камень-PL’, *ú-llä* ‘куропатка-PL’, *loḵḵa-la-m* ‘лиса-PL-POSS.1SG’;

Юж. XX в.

ЛЯНС (Сон. ср.-об.), Беккер и др. [5] (В.-об. сюс.): *ku-lá* ‘человек-PL’, *jé:d-la* ‘юрта-PL’, *ud-lá-w* ‘рука-PL-POSS.1SG’;

ЛЯНС (в.-кет.), Беккер и др. [5] (В.-кет. сюс., тью.): (Мар.) *qu-lla* ‘человек-PL’, (Мар.) *kinna-lla* ‘собака-PL’, (Мар.) *essa-j-mi-t-la* ‘отец-ADJZ-COLL-PL-PL’ / родители, (Мар.) *moqḡo-li-la-n-di-ssie* ‘спина-кость-PL-GEN-POSS.3DU-COM’;

ЛЯНС (н.-/ср.-кет.), Беккер и др. [5] (Ср.-кет. сюс.): (Кар.) *poḡu-la* ‘сеть-PL’, (Кар.) *qwelu-la* ‘эвенк-PL’, (УО) *inne-za-t* ‘старший.брат.отца-RECIP-PL’, (УО) *saj-la:-n-d-se* ‘глаз-PL-GEN-POSS.3SG-COM’.

В переходных иванкинских материалах XIX–XX вв. фиксируется только суффикс *-la* ‘PL’. В данных Э. Г. Беккер отмечено, что *-t(V)* ‘PL’ встретился только в одном случае, однако без предоставления примеров [5: 64]. Также в грамматическом очерке В. В. Быкони приводится утверждение об использовании показателя *-sat* ‘RECIP.PL’ в среднеобском диалекте шешкупов, однако также без примеров [17: 319]. Дополнительно, из анализа материала можно предположить, что суффикс *-i* (*-ni*) ‘PL’, появляющийся в посессивном склонении, так же, как и в южных диалектах был вытеснен показателем *-la* ‘PL’.

Пер. XIX в.

Кастрен (Тог. ив.): *kuu-lá* ‘человек-PL’, *maadur-la* ‘богатырь-PL’, *ku-la-ut* ‘человек-PL-POSS.1PL’;

Макарий (ив.): *ку-ла* ‘человек-PL’, *ну-ла* ‘бог-PL’, *грѣк-ла-л* ‘грех-PL-POSS.2SG’;

Пер. XX в.

ЛЯНС, Беккер и др. [5] (Ив. ив.), Быконя и др. [17] (шеш.): *a:md-la* ‘рог-PL’, *ne-la* ‘дочь-PL’, *a:md-la-l* ‘рог-PL-POSS.2SG’.

Материалы по центральным диалектам представлены с выделением отдельных населенных пунктов, так как эта территория является контактной в распространении суффиксов *-t(V)* ‘PL’ и *-la* ‘PL’. Анализируя нарымский диалект в отношении показателей множественного числа, по всей видимости, стоит различать языковую территорию Нарыма и его окрестностей, т. к. там используется суффикс *-t(V)* ‘PL’, и отдельно территорию выше по течению, преобладает маркер *-la* ‘PL’. В нарымских материалах XIX в. М. А. Кастрена и св. Макария (Невского), записанных, предположительно, от информантов из Н. П. Нарым, используется суффикс *-t(V)* ‘PL’, в то время как, скорее всего³, в материалах М. А. Кастрена, записанных вверх по течению (?Парабель), появляется *-la* ‘PL’. В нарымских материалах ЛЯНС и Э. Г. Беккер за

³ Это предположение основано на фактах общего распределения суффиксов; точной информации по месту записи материалов М. А. Кастрена с суффиксом *-la* ‘PL’ у нас нет.

XX в. показатель *-t(V)* 'PL' встречается в Тюхтерево и Кенге как основной и в небольших количествах в Парабели, Нельмаче и Соиспаево, в то время как суффикс *-la* 'PL' является основным в Ласкино, Парабели, Нельмаче, Мумышево и Сунгурово. Контаминированный показатель *-lat* (*-la-t* 'PL-PL') 'PL', является основным у одного информанта с Кенги, а также выступает в качестве вспомогательного маркера в остальных контактных населенных пунктах, например Ласкино, Парабель, Нельмач, Соиспаево. Встречаются случаи, когда у одних и тех же носителей фиксируется сразу три варианта суффиксов, например у Д. П. Саиспаева (Соис.) в «Сказке про черного царя»: 1) *parke:lamba:t qu:-t* (PL) 'кричат люди'; 2) *wed'i n'e tak täng taqəlgu gu-la-də-p* (PL-PL-ACC) 'ведь не так просто собрать людей'; 3) *qu:-la* (PL) *hateleşpat kalakon'ip*. 'люди колотят в колокола'. В васюганских и тымских источниках ЛЯНС за XX в. наблюдается маркер *-t(V)* 'PL'. Во всех центральных диалектах по материалам XIX–XX в. (исключение – нарымский идиом св. Макария (Невского); недостаточно материалов) используются показатели *-i* / *-ni* 'PL' в посессивных формах, причем в данных за XX в. по нарымскому диалекту и тымскому идиому текстов Л. Сабо также дополнительно появляются формы с суффиксом *-la* PL', что является инновацией. Также в целом в материалах по нарымскому ареалу за XX в. фиксируются показатели *-sat* 'RECIP.PL', *-mit* 'COLL.PL' с терминами семейного родства (следует более детально уточнить дистрибуцию этих маркеров в дальнейшем). Дополнительно в труде В. В. Быкони отмечен пример появления формы *-sala* 'RECIP.PL' в нарымском диалекте, без дополнительных уточнений [17: 319]. Также в центральных диалектах наблюдается несистематический переход *-t* 'PL' > *-n* 'PL' в фонетически обусловленных позициях перед гласными и сонорными согласными.

Центр. XIX в.

Кастрен (нар.): 1) (очевидно, записано в Нарыме) *loga-t* / *loga-n* 'дом-PL', *kana-t* 'собака-PL', 2) (очевидно, записано ниже по течению; ?Парабель) *loga-lá* 'лиса-PL', *cyndä-lá* 'лошадь-PL', 3) *loga-ni-m* 'лиса-PL-POSS.1SG', *loga-ni-det* 'лиса-PL-POSS.3PL';

Макарий (Нар. нар.): *ку-т* 'человек-PL', *калита-т* 'подмышка-PL';

Центр. XX в.

ЛЯНС (нар.), Беккер и др. [5] (Ср.-об. чум.), Быконя и др. [17] (нар.): (Лас.) *qu-la* 'человек-PL', (Лас.) *téw-la* 'зуб-PL', (Кен.) *hir-di-p* 'корова-PL-ACC', (Кен.) *kiw-lika-t* 'капля-DIM-PL', (Кен.) *tebelqu-la-t* 'мужчина-PL-PL', (Кен.) *qu-la-n e:-y-a:dət* 'человек-PL-PL быть-PST-3PL', (Кен.) *kibamar-la-n-d-e* 'ребенок-PL-GEN-POSS.3SG-COM', (Соис.) *timn'a-sə-t* 'брат-RECIP-PL', (Соис.) *n'an'a-ssə-də-nan* 'сестра-RECIP-PL-LOC2.ABL'; (?нар.) *timña-se-la* 'брат-RECIP-PL';

Беккер и др. [5] (Ср.-об. чум.): (Тюх.) *əlma -ni -l* 'ребенок-PL-POSS.2SG';

ЛЯНС (вас.): (Воль.) *loyo-t* 'черт-PL', (Воль.) *kobi-n e-j-adit* 'шкура-PL быть-EP-3PL', (Калг.) *penga-i-m* 'сестра-PL-POSS.1SG', (Воль.) *tebña-sa-t* 'брат-RECIP-PL', (Воль.) *ära-l-mi-t* 'старик-ADJZ-COLL-PL / родители', (Калг.) *iebña-ssit-t* 'брат-COLL-PL';

Беккер и др. [5: 59] (Вас. чум.): (Воль.) *qum-ni-dit* 'человек-PL-POSS.1PL';

Сабо (Нап. тым.): *quu-la* 'человек-PL', *čumbne -la* 'волк-PL', *ii-la-d* 'сын-PL-POSS.3SG';

ЛЯНС (тым.): (Нап.) *korgo-t* 'медведь-PL', (Нап.) *kede-t* 'кишка-PL';

Беккер и др. [5: 59] (Тым. чум.): (Вандж.) *peq^a-i-l* 'лось-PL-POSS.2SG', (Нап.) *qoroŋo-ni-m* 'медведь-PL-POSS.1SG'.

Основным суффиксом множественного числа в северных диалектах по материалам XIX–XXI вв. является *-t(V)* 'PL', который в данных XX–XXI вв. также имеет дополнительный основной аллофон *-n* (что в том числе зависит и от фонетического окружения – появляется перед гласными и сонорными согласными, хотя и не обязательно). В посессивных формах суффикс множественности отражен в данных XIX–XXI вв. в виде *-i* 'PL'. С терминами родства зафиксированы только примеры за XX–XXI в. с суффиксами *-mit* / *-min* 'COLL.PL' и *-sit* 'RECIP.PL'. В источниках за XX–XXI в. для выражения собирательной множественности с

одушевленными и неодушевленными существительными используется маркер *-mi* 'COLL' (без дополнительных показателей множественности), который противопоставляется суффиксу расчлененного множества *-t(V)* 'PL'.

Сев. XIX в.

Кастрен (таз.): *loka-t* (*-n'a*) 'лиса-PL', *kana-t* 'собака-PL', *loka-i-l* 'лиса-PL-POSS.2SG', *kana-i-t* 'собака-PL-POSS.3SG', *êédše-lj-m* 'слово-ADJZ-COLL', *eedie-lj-мы* 'деревня-ADJZ-COLL';

Кастрен (ел.): *ate-t* 'олень-PL', *kana-t* 'собака-PL';

Кастрен (баи.): *logá-t* (*-n*) 'лиса-PL', *šíba-t* 'утка-PL', *tuuni-i-m* 'палец-PL-POSS.1SG', *loga-i-m* 'лиса-PL-POSS.1SG';

Кастрен (кар.): *kana-t* 'собака-PL', *kí-t* 'река-PL', *loka-i-m* 'лиса-PL-POSS.1SG', *iite-lj-mэ* (*-me-t*) 'деревня-ADJZ-COLL(-PL)';

Сев. XX–XXI в.

К&Б [16] (ср.-таз.): *pō-m/n* 'дерево-PL', *kana-m/n* 'собака-PL', *pō-й-мы* 'дерево-PL-POSS.1SG', *kana-й-мы* 'собака-PL-POSS.1SG', *ана-ль-мы-т* 'отец-ADJZ-COLL-PL / родители', *жумы-ль-мы* 'человек-ADJZ-COLL', *pō-ль-мы* 'дерево-ADJZ-COLL';

К&Б [16] (в.-таз.): *ийпа-н* 'утка-PL', *кочый-й-м* 'сустав-PL-POSS.1SG', *отā-й-мы* 'олень-ADJZ-COLL';

К&Б [16] (в.-толь.): *руши-н* 'русский-PL';

ЛЯНС (Кел. ел.): *iyá-t / iyá-n* 'ребенок-PL', *č'óbe-j-mi* 'лист-ADJZ-COLL', *qana-j-mi* 'собака-ADJZ-COLL', *imáqóte-j-mi-n* 'бабушка-ADJZ-COLL-PL';

К&Б [16] (Кел. ел.): *жəñä-n* 'кет-PL', *тəтыты-т* 'шаман-PL';

ЛЯНС (баи.): *loka-t* 'лиса-PL';

К&Б [16] (баи.): *руши-т* 'русский-PL', *тiмня-и-ты* 'брат-PL-POSS.3SG', *леммы-ль-мы* 'доска-ADJZ-COLL';

Казакевич [6] (1998–1999, 2003) (тур.): *lōzy-t* 'черт-PL', *tīmñá-sy-t* 'брат-RECIP-PL'; *iyá-t* 'ребенок-PL', *móadā-l-mi* 'дом-ADJZ-COLL'.

Отдельно стоит выделить существенное количество примеров на *-lat* в южной, переходной диалектной зонах и нарымском диалекте, где данное сочетание следует трактовать не как контаминацию *-la* 'PL' и *-t* 'PL', а как сочетание *-la* 'PL' и *-t* 'POSS.3SG': (Сон. ср.-об.) *wes tabín ku-lá-t* (PL-POSS.3SG) *poũzi' jéqwat* 'вся семья у него обута' (досл. 'все люди его с обувью есть'); (УО кет.) *amdā-la-t* (PL-POSS.3SG) *teban essat wargā i ta:dā* 'рога ее у нее были большие и прямые'.

4. Заключение

- 1) В результате исследования было выяснено, что основным суффиксом множественного числа в южной и переходной языковых зонах является *-la* 'PL', в центральных васюганском и тымском, а также северных диалектах – *-t(V)* 'PL'. В центральных и северных диалектах у показателя *-t(V)* 'PL' имеется второй стандартный фонетический вариант в виде *-n*, появление которого зависит, в том числе, от фонетического окружения (появляется перед гласными и сонорными согласными).
- 2) В центральном нарымском диалекте встречаются оба показателя *-t(V)* 'PL' и *-la* 'PL' в том числе в контаминированной форме *-lat* (*-la-t* 'PL-PL') 'PL', где для северной части более характерен *-t(V)* 'PL', а для южной *-la* 'PL'.
- 3) В северных и центральных диалектах в посессивных формах используется суффикс *-i* (*-ni*) 'PL', что представляет собой сохранение архаики, в то время как в южных и переходных материалах, а также частично в центральных данных за XX в. по нарымскому диалекту и тымскому идиому текстов Л. Сабо он был вытеснен показателем *-la* 'PL' в тех же позициях.

- 4) Во всех диалектах с терминами родства появляется суффикс взаимной связи *-sa-* 'RECIP' вместе с *-t(V)* 'PL' – *-sat* 'RECIP.PL'; реже в южных, центральных и северных диалектах суффикс собирательного множества *-mi-* 'COLL' вместе с *-t(V)* 'PL' – *-mit* 'COLL.PL'. Примечательно то, что в южных и переходном диалектах вместе с данными показателями *-sa-* 'RECIP' и *-mi-* 'COLL' в большинстве случаев сохраняется суффикс *-t(V)* 'PL', а не *-la* 'PL', что стоило бы ожидать. Несмотря на это, в верхнекетских и нарымских материалах за XX в. зафиксированы отдельные случаи с суффиксом *-la* 'PL' в своем составе: (в.-кет.) *-mitla* (*-mi-t-la* 'COLL-PL-PL'), (нар.) *-sala* (*-sa-la* 'RECIP-PL').
- 5) В северных диалектах для выражения собирательного множества без дополнительных числовых показателей с одушевленными и неодушевленными существительными используется показатель *-mi* 'COLL', который противопоставляется суффиксу расчлененного множества *-t(V)* 'PL'.

Сокращения

- 1) Вандж. – Ванджилыкынак на Тыме, Воль. – Вольджа на Чижапке, Ив. – Иванкино на Оби, Калг. – Калганак на Чижапке, Кар. – Карелино на Кети, Кел. – Келлог на Елогуе, Кен. – Кенга на Кенге, Лас. – Ласкино на Оби, Мар. – Марково на Кети, Нап. – Напас на Тыме; Нар. – Нарым на Оби, Соис. – Соиспаево на Парабели, Сон. – сондровские горы (Старо- и Новосондрово) на Оби, Тог. – Тогур на Оби, Тюх. – Тюхтереве на Оби, УО – Усть-Озерное на Кети.
- 2) баи. – баихенский, в.-кет. – верхнекетский, в.-таз. – верхнетазовский, в.-толь. – верхнетолькинский, вас. – васюганский, ел. – елогуйский, ив. – иванкинский, кар. – карасинский, кет. – кетский, н.-кет. – нижнекетский, н.-чаин. – нижнечаинский, нар. – нарымский, н.-кет. – нижнекетский, ср.-кет. – среднекетский, ср.-об. – среднеобской, ср.-таз. – среднетазовский, таз. – тазовский, тым. – тымский, тур. – туруханский, чаи. – чаинский, чул. – чулымский.
- 3) В.-кет. сюс., туй. – верхнекетские сюсюкумы, туйкумы, В.-об. сюс. – верхнеобские сюсюкумы, Вас. чум. – васюганские чумылькupy, Ср.-кет. сюс. – среднекетские сюсюкумы, Ср.-об. чум. – среднеобские чумылькupy, Тым. чум. – тымские чумылькupy, шеш. – шешкupy / шешкумы.
- 4) Пер. – переходный иванкинский диалект, Сев. – северные диалекты, Центр. – центральные диалекты, Юж. – южные диалекты.
- 5) Григ. – Григоровский, досл. – дословно, К&Б – Казакевич и Будянская, ЛЯНС – лаборатория языков народов Сибири, мат. – материалы, н.п. – населенный пункт, недост. примеров – недостаточно примеров, посс. – поссесивный, ПУ – прауральский, соб. форма – собирательная форма, сов. однородн. предм. – совокупность однородных предметов, сущ. – существительное, табл. – таблица.
- 6) 1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ACC – аккузатив, ADJZ – аджективайзер, COLL – суффикс собирательной множественности, COM – комитатив, DIM – диминутив, DU – двойственное число, EP – эпентеза, GEN – генитив, LOC2.ABL – локатив2-аблатив, PL – множественное число, POSS – поссесивность, PST – прошедшее время, RECIP – суффикс взаимной связи / реципрок, SG – единственное число.

Список литературы / References

- [1]. Осипова А. А. Некоторые способы образования множественного числа имен существительных в селькупском языке (На материале говора пос. Келлог) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 14–16 июня 1973 года. Томск, 1973. – С. 75–76. / Osipova A. A. Some ways of forming the plural of nouns in the Selkup language (Based on the subdialect of the village of Kellog) // The origin of the aborigines of Siberia and their languages. Materials of the interuniversity conference on June 14-16, 1973. Tomsk, 1973. – pp. 75–76 (in Russian).

- [2]. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М., 1980 / Kuznetsova A. I., Helimsky E. A., Grushkina E. V. Sketches of the Selkup language. Taz dialect. Volume 1. Moscow, 1980. (in Russian).
- [3]. Беккер Э. Г. Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.07. – Томск, 1984. – 466 с. / Bekker E. G. Grammatical categories of the noun in the southern dialects of the Selkup language: Thesis ... doctor of philological sciences: 10.02.07. – Tomsk, 1984. – 466 p. (in Russian).
- [4]. Максимова Н. П. Морфологический способ выражения множественности в южных диалектах селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. Томск, 1983. – С. 103–110 / Maksimova N. P. Morphological ways of expressing plurality in the southern dialects of the Selkup language // Issues of Yenisei and Samoyed linguistics. Tomsk. 1983. – pp. 103–110 (in Russian).
- [5]. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. – 292 с. / Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995. – 292 p. (in Russian).
- [6]. Казакевич О. А. Две женщины, семь теснин и тридцать воинов (О выражении квантитативности в фольклорных текстах северных селькупов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М.: Индрик, 2005. – С. 384–399 / Kazakevich O. A. Two women, seven gorges and thirty warriors (On the expression of quantification in the folklore texts of the Northern Selkups) // Logical analysis of the language. The quantitative aspect of language. M.: Indrik, 2005. – pp. 384–399 (in Russian).
- [7]. Lingvodoc. Доступно по ссылке: <http://lingvodoc.ispras.ru> (дата обращения 27.03.2025).
- [8]. Alatalo Jarmo (2024). Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica (MCOS). Available at: <https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica> (accessed: 27.03.2025).
- [9]. Григоровский Н. П. Азбука сюзской гулани / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. ABC book for Sjuussogoj gulani / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1879. (in Russian).
- [10]. Григоровский Н. П. Объяснение праздников Св. Церкви. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. / Grigorovsky N. P. Explanation of the holidays of the Holy Church. In the Ostyak-Samoyed language / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879. (in Russian).
- [11]. Григоровский Н. П. Священная история. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. Sacred History. In the Ostyak-Samoyed language / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879. (in Russian).
- [12]. Григоровский Н. П. Молитвы и о сердечной молитве к Богу. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. Prayers and about the heartfelt prayer to God. In the Ostyak-Samoyed language / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879. (in Russian).
- [13]. Макарий (Невский), еп. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края, 1887 г. // Приложение № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. / Makary (Nevsky), bish. Materials for familiarization with the dialect of the Ostyaks of the Narym Krai, 1887 // Appendix No. 7 to the report on the Altai and Kyrgyz missions for 1887. (in Russian).
- [14]. Макарий (Невский), еп. Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900 / Makary (Nevsky), bish. Conversations about the true God and the true faith in the dialect of the Ob Ostyaks. Tomsk, 1900. (in Russian).
- [15]. Szabó L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary // Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1967. 62 p.
- [16]. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) Екатеринбург: Институт филологии СО РАН, 2010 / Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect) Yekaterinburg: Institute of Philology SB RAS, 2010 (in Russian).
- [17]. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: ТГПУ, 2005. – 348 с. / Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. Selkup-Russian dialect dictionary. Tomsk: TSPU, 2005. – 348 p. (in Russian).
- [18]. Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2013. – С. 49–63 / Glushkov S. V.,

- Baydak A.V., Maksimova N. P. Dialects of the Selkup language // *Selkups: essays on traditional culture and the Selkup language*. – 2nd ed., ispr. and add. – Tomsk: National Research Tomsk Polytechnic University, 2013. – pp. 49-63 (in Russian).
- [19]. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages (Handbook of the Uralic Languages: Part 3). Stockholm: Almqvist and Wiksell. 1960.
- [20]. Castren M. A. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 1854.
- [21]. Donner K. Siperia: elämä ja entisyys. Helsinki 1933.
- [22]. Joki A. 1936 Eine Untersuchung über das Object in der uralischen Sprachen: Finisch-ugrische Forschungen. Band XXXII, Heft 3, 1956. – S. 1–41.
- [23]. Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. Helsinki. 1971.
- [24]. Lehtisalo T. Über die Primären uralischen Ableitungssuffixe Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1936.

Информация об авторах / Information about authors

Сергей Васильевич КОВЫЛИН – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования с 2019 года; доцент кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета с 2019 года. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, документация и ревитализация исчезающих языков и культур.

Sergei Vasilievich KOVYLIN – Cand. Sci. (Philol.), Senior research fellow of the laboratory “Linguistic platforms” of the Institute for System Programming of the RAS since 2019; Associate professor of the Department of Indigenous Siberian Languages at Tomsk State Pedagogical University since 2019. Research interests: corpus linguistics, computational linguistics, documentation and the revitalization of endangered languages and cultures.

